

Псковские дворяне и «крапивная лихорадка» в 1812 г.

Псковские дворяне в 1812 г. снискали себе непреходящую благодарность Отечества своим самопожертвованием и бескорыстным служением как на поле брани, так и повседневным трудом в тылу. Помимо бесчисленных пожертвований они несли тяготы службы «по выборам» уездных дворянских обществ, подвигавших их на труды по сопровождению многочисленных военных грузов в армию, которые по трудностям и расходам, ложившимся на них, были не меньшими жертвованиями, нежели сдача хлеба или скота.

Дворянские чиновники, назначавшиеся «по выборам» уездных дворянских предводителей или собраний на сопровождение обозов, как правило, выполняли эту «добровольную» повинность если и не с охотой, то, по крайней мере, безропотно. Это тихое самопожертвование сегодня нелегко по достоинству оценить, поскольку трудности этой обязанности зачастую недоступны современному пониманию. Тем не менее, заботы, связанные с выполнением «нарядов» уездным помещикам, становившимся на время их выполнения «чиновниками по выборам», были весьма нелегки.

Во-первых, нести «службу» они должны были за собственный счет, то есть кормиться, использовать своих лошадей и транспортные средства, как и фуражировать их, расходоваться на ночлег. Всё это могло занимать довольно длительное время. Так, например, порховский чиновник, встречавший груз в Сольцах, и сопровождавший его до соседнего уездного города, в Новоржев или Остров, с учётом времени на опоздание или формирование обоза, его перегрузку и разгрузку и возвращение домой, на расстояние в общей сложности в 200 верст мог потратить несколько недель. Так, обывательские обозы

с сухарями, направленные в Себеж в августе-сентябре 1812 г., не возвращались «по более 3 недель»,¹ а иногда и вовсе из Себежа не перегружаясь отправлялись по всей Белоруссии и Литве, вплоть до Вильно и Гродно, а транспорты, направленные в Люцин (совр. Лудза Латв. респ.) перенаправлялись под расписки в самые полки.²

Иной раз такой чиновник мог ожидать неделями только прибытие для него груза. Себежский городничий, надворный советник Николай Бошняк 26 июля 1812 г. жаловался губернатору П. И. Шаховскому о том, что «исправляющий должность Витебского губернатора г. вице-губернатор Иван Леонтьевич Сушка от 7 июня сего года командировал меня в Мариенгауз для препровождения по Высочайшему повелению следовать назначенных шести запасных батальонов из Холма, Старой Русы и Подогощи чрез Мариенгауз в Ригу. Находясь с того времени в Мариенгаузе с готовыми подводами проводил я только сего июля во 2-е число два батальона, а остальные будут ли следовать чрез здешнее место или им переменят маршрут я от своего начальства не имею никакого в известие предписания, нахожусь при сем поручении столь долгое время без действия и теперь же без подвод я осмеливаюсь отнестись к Вашему Сиятельству яко ближайшему начальнику и имеющему в сем же предмете участие и большия сведения о движениях тех батальонов удостойте Ваше Превосходительство предписать мне пойдут ли те батальоны чрез Мариенгауз или переменяли им маршрут».³

Во-вторых, уездные чиновники при формировании или принятии обозов становились, как теперь говорят, «материально ответственными лицами», и собственным достоянием отвечали за недостачу или порчу груза. Обстоятельства, приводившие к подобным случаям, встречались на каждом шагу. Так, например, транспорт с сухарями, сопровождаемый из Холма поручиком Борисовым, последний из-за распутицы вынужден был складировать в сельце Богдановском

Жучков Константин Борисович — кандидат исторических наук (Музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»)

Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-11-60004 а/З.

Новоржевского уезда в безопасном месте, то есть в обывательских «анбарах», а сам поручик или должен был остаться на несколько месяцев, чтобы караулить его до восстановления дорог и прихода подвод и везти транспорт к месту назначения, или вовсе бросить его на «ответственность» местных властей, тем самым обрекая себя на неминуемые порчу и недостачу «материальных ценностей». ⁴ Тоже самое произошло с Петром Ганнибалом, из-за отсутствия встречных подвод вынужденного складировать в октябре 1812 г. груз в Острове, который и на апрель 1813 г. еще не был вывезен. ⁵

Эти трудности, сопровождавшие уездных дворян при проводке грузов, вызвали среди части дворян нежелание «по выборам» и частые их отказы от службы. Так, новоржевский помещик коллежский асессор Николай Байков не явился к месту приема обоза. ⁶ 17 октября 1812 г. опочечские помещики титулярный советник Любимов и Низовцев отказались сопровождать подводы. ⁷ Так же 31 октября поступил поручик Шильт. ⁸ 2 ноября опочечский помещик поручик Иван Сергеевич Захаров отказался «служить по выборам» под предлогом болезни, и губернатор П. И. Шаховской в отношении Никифору Елагину 16 ноября потребовал медицинского освидетельствования. 30 ноября 1812 г. псковские лекари Иван Браун и Иван Беш (Беме?) выдали Захарову свидетельство о том, что тот «имеет в правом паху немалую прогрызь которая препятствует ездить и ходить пешему на месте же какую либо службу исполнять может». ⁹

Поскольку чиновников из дворян повсеместно не хватало, губернские и уездные власти стали привлекать к службе людей купеческого звания. В Порховском уезде в посаде Сольцы 16 декабря 1812 г. обязали к службе купца третьей гильдии Михаила Шелелева, однако тот от службы «уклонился и неизвестно где находится». Попробовали вместо него обязать его брата Василия, но тот оказался находящимся под судом в Псковской уголовной палате и привлечь его вместо брата оказалось невозможным. ¹⁰

28 августа 1812 г. П. И. Шаховской, лично находившийся в Порхове, распорядился отправить «пожертвованный» скот в корпус П. Х. Витгенштейна. Первоначально

сопроводжать его был назначен капитан Семен Култашев, но «во уважение неимения им в доме своем состоящем в уезде людей», в тот же день Порховское уездное дворянское собрание назначило вместо него на службу титулярного советника Семена Ивановича Ладыженского. 29 августа Порховский уездный предводитель дворянства Дмитрий Нартов вручил С. Ладыженскому отношение о проводе скота. Однако при этом Ладыженский заявил Нартову, что на следующий день он, Ладыженский, вернет ему бумагу обратно, а поручику Ивану Савенкову тогда же «сказывал, что он Лодыженский завтра скажется больным». На следующий день, 30-го августа, С. Ладыженский со своим дворовым человеком Степаном Семеновым прислал Д. Нартову отношение обратно, но Нартов её не взял.

«После того чрез несколько часов этого ж 30го с тем же моим отношением приехала ко мне жена ево Лодыженскаго, оное положила на стол и высказав что муж ее болен, обратно пошла вон, // [Нартов] тотчас послал нижняго земскаго суда дворянскаго заседателя Мяхкаго, чтоб тот вруча упоминаемое отношение Лодыженскому внушил дабы неуклонясь от возложенной на него от благородного словения должности исполнил ее немедленно, — но и затем по возврате Мяхкаго 31го оной уведомил меня, что он Лодыженскаго нашел в постели, и отзываясь по потому ж болезнею отношения от него не принял, причем оное доставил ко мне, — по таковому уклонению того господина Лодыженскаго от порученной ему должности, на которую и следующее предписание к себе уже получил, вынужденным нашел себя я // приглася к себе господ благородных дворян а имянно коллежских асессоров Гаврилу Трофимова, Степана Бузовского, майора Александра Окунева, капитана Василия Култашева, Земскаго суда дворянскаго заседателя Змева, и уезднаго лекаря Саломона, по силе имяннаго *Его Императорскаго Величества* высочайшаго указа состоявшагося на поднесенном Государственного Совета мнения в 18 день декабря 1811 года отправился к нему Лодыженскаму в дом для освидетельствования точно ли он Лодыженский имеет такую в себе болезнь, что за оною порученной ему должности отправлять неможет, и по приезде 1го сего сен-

тября по свидетельствам оказалось 1^м дворянскому что реченной Лодыженской хотя и найден в постели но внем никаковой болезни даже малейшаго припадка непредвидится, а хотя он Лодыженский при оном и утверждает что он имеет в себе колотье в желудке и в груди, но чтоб сии припадки совершенно он Лодыженский в себе имеет того нисколько не замечается, почему отзыв ево относится к одному отбывательству от выполнения возлагаемой // на него обязанности 2^м лекаря Саломона что означенной Лодыженской имеет в себе самую маловажную *кративнаю лихорадку*, которая в отзыве ево что должности отправлять не может нисколько во уважение принято быть не может, и кроме сего более никаких припадков не имеет, а хотя он Лодыженский и представляет что имеет в себе в желутки и в груди колотье, но сие есть несправедливо, ибо точно он у себя колотья не имеет что и относится к его Лодыженского под видом болезни несправедливному отбывательству от возложенной на него обязанности». Д. Нартов, уязвленный такой упорностью С. Лодыженского, жаловался на него П. И. Шаховскому и был вынужден «покорнейше спросить, чтоб соблаговолили повелеть с реченным титулярным советником Лодыженским поступить...». ¹¹

В ответ сам Семен Лодыженский, приехав в Псков, 14 сентября 1812 г. отнесся к П. И. Шаховскому с просьбой о его, Лодыженского, медицинском освидетельствовании: «я имею имение собственно мне принадлежащее только в одной Островской округи сей губернии, но по одному токмо

пробыванию моему в Порховском уезде, тамошний господин уездный дворянский предводитель и общество... не смотря на то, что Порховское дворянство не имеет права избирать меня по своему уезду на должности // ... то собрав последние мои силы приехать сюда во Псков осмеливаюсь всепокорнейше просить: приказать освидетельствовать меня Псковской врачебной палате...». ¹² 20 сентября губернатор дал представление губернской врачебной управе освидетельствовать Лодыженского.

23 сентября 1812 г. С. Лодыженский, наконец, получил нужное ему освидетельствование Псковской врачебной управы, которая в тот же день доносила П. И. Шаховскому, что «как по освидетельствовании онаго Лодыженского оказалось: что оной находится в простудной горячки, и при том имеется гемар[ону]ческие припадки, в грудях стеснение, и в ногах опухоли, так же бывает подвержен и сильной похондрии, // почему и ко отправлению назначенной ему должности отправлять не может». ¹³

Несмотря на общий патриотический подъем, связанный с желанием помочь Отечеству в трудное время, некоторая часть псковских дворян, как правило, уездных мелкопоместных, искала способы и возможности отказаться от «службы по дворянским выборам», используя при этом хорошо известный и теперь предлог. Это, однако, нисколько не принижает в целом заслуг псковских дворян, в массе своей верой и правдой служивших как на военной, так и на гражданской службе, в том числе и по «уездным выборам».

Примечания

- 1 ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 368, л. 45.
- 2 Там же, д. 451, лл. 8–9.
- 3 Там же, д. 408, л. 6.
- 4 Там же, д. 451, лл. 14.
- 5 Там же, лл. 10–10об.
- 6 Там же, д. 368, лл. 39.
- 7 Там же, л. 62.
- 8 Там же, лл. 65, 68.
- 9 Там же, лл. 75, 76, 78.
- 10 Там же, лл. 121.
- 11 Там же, лл. 25–28.
- 12 Там же, лл. 29–29об.
- 13 Там же, лл. 32. Орфография сохранена.